

Małgorzata Marciszewska

DOI: 10.15290/sw.2024.24.03

Uniwersytet Gdański

e-mail: malgorzata.marciszewska@ug.edu.pl

ORCID: 0000-0002-6050-2112

Сфера чувств в дневнике Максимилиана Волошина

Ключевые слова: Максимилиан Волошин, Серебряный век, дневник, чувства, женщины

В связи с развитием психоанализа на рубеже XIX и XX веков появляется новый жанр дневника. Тогда интимистика занимает место мемуаристики¹, признание занимает место свидетельства. Дневник перелома веков приобретает черты исповеди. В интимном дневнике автор показывает свой внутренний мир, открывает свою душу. «Я» и «мои внутренние переживания» всегда на первом месте. Для автора это своего рода самопознание, одновременно терапия и творчество. В дневнике можно писать обо всем. Без оправдания перед потенциальным читателем, который всегда учитывается автором, возможен переход на другую тему. Дневник можно начать в любой момент жизни, а также неожиданно завершить записи. В дневнике выступает настоящее время, и каждой записи всегда предшествует дата. Однако нельзя говорить об отсутствии прошедшего времени, хотя это не является обязательным. Об этом решает сам автор дневника, который может призвать прошлое в любой момент. Следует отметить, что на интимный дневник, даже

¹ См. о мемуарах: Czermińska [2000, 12–18], Георгиева [2012, 126–136], Тартаковский [1991, 3], Тартаковский [1980, 22–23], Сиротина [2001, 226–232], Черноморский [1959, 5–6].

наиболее исповедальный, всегда воздействует история. Наиболее свободная запись всегда подчинена данной эпохе, событиям и литературным направлениям [См. Głowiński 1973, 76–105].

История моей души Волошина является одним из дневников, типичных для эпохи Серебряного века. Волошин начал писать дневник в 1890 г., будучи еще учеником гимназии. Он бросал и возвращался к нему многократно. Записи возобновлялись в 1891, в 1892 и 1893 г. Дневник в это время был для поэта способом для выражения мыслей, средством, которое подготовит его к профессии писателя. Следующий этап – дневниковые записи 1897 г. Волошин сразу определяет новую задачу своих записей [См. Волошин 1990, 3–4]. Итак, 27 IV 1897 г. он пишет:

Где-то я встретил такую мысль: молитва имеет тот смысл, что это отчет в прожитом дне, самопроверка. Я начинаю этот дневник с тем, чтобы он заступил мне место молитвы. Я чувствую, что последнее время, особенно этот последний год, я чрезвычайно мало продвинулся в своем развитии и самопознании. Пусть этот дневник послужит искусственным фактором к развитию самопознания [Волошин 2000, 10].

Во время путешествия по Италии в 1900 г. Волошин вместе со своими друзьями пишут коллективный дневник *Журнал путешествия*. Но это было только художественное запечатление состояний природы. Совсем другого характера дневник с 1901 по 1903 г., в котором появляются попытки самопознания. Но лишь в 1904 г. Волошин начинает свой настоящий, серьезный дневник. Записи с 1904 г. становятся для поэта подлинной исповедью. Недаром этот дневник назван *История моей души*. Волошин пишет его регулярно. В дневнике остаются наиболее интимные моменты жизни писателя, в котором выражает свои эмоции и переживания. Связано это, между прочим, с сильным чувством к Маргарите Сабашниковой. «Пишу этот дневник. На моих веках сладость (...) слез, а в душе успокоение» [Волошин 1999², 162], – признается Волошин. Дневник прервется на год, но осложнение отношений с возлюбленной снова толкнет поэта к бумаге (записям): «Я снова даю себе слово продолжать записывать каждый день» [169], – пишет автор

² Далее ссылки на это издание даются в тексте лишь с указанием страницы.

в 1907 г. Итак, дневниковые записи от 1 III 1907 продолжаются, но это нерегулярные, хотя подробные записки. Они ведутся еще в 1908 и 1909 годах, а в 1911 встречаем только эпизодичные заметки. В 1914 г. и с 1917 по 1929 г. не появляется ни одна пометка в дневнике. Это можно оправдать, между прочим, тем, что Волошин дневниковым записям предъявлял довольно высокие требования:

Область воспоминаний – область тайная и интимная. Сюда нельзя вводить всякого. Встреча воспоминаний – внезапный толчок, высшая радость. В этой области – сказанное забывается, каменеет. Каждое слово тяжелым камнем закрывает просочившийся до сознания источник. (...) Написать перечувственное, пережитое – невозможно. Можно создать только то, что живет в нас в виде намека. Тогда это будет действительность. Потенциальная возможность действительности станет активной действительностью в искусстве: действительностью ослепительной, ошеломляющей, которую всякий переживает и сколько угодно раз, – алгебраической действительностью. Пережитое – описанное – всегда слабый пересказ, но не сама действительность [73].

В 1931 г. дневник возобновляется. Последняя запись в волошинском дневнике появляется 25 VII 1932 г. В этом же году поэт умер [См. Волошин 1990, 4–7].

Переживания поэта, связанные с чувством любви, приносили ему немало волнений и тревог. Судя по дневниковым записям, чувство любви было радостное и грустное, полное очарований и разочарований, огорчений и обид. В эти трудные моменты писатель часто обращается к своему дневнику как к задушевному другу. В *Истории моей души* можно найти фамилии многих женщин, у которых поэт пытался добиться любви. Это была, между прочим, Елена Кириенко-Волошина, Мария Ауэр, Ольга Муромцева, Александра Петрова, Маргарита Сабашникова, Вайолет Харт, Елизавета Дмитриева, Мария Заболоцкая и другие. Среди перечисленных выше фамилий выделяются: мать поэта – Кириенко-Волошина, близкий друг – Петрова, жена – Сабашникова и вторая супруга – Заболоцкая.

С первой женщиной, своей матерью, как пишет Маковский, «он прожил душа в душу почти весь свой век» [Маковский 2000, 337]. Все обращались к ней с уважением и называли ее не по имени, только Пра. Стоит отметить, что Пра – это сокращение от Прародительница.

Ее признавали Прародительницей Коктебеля, а, может, и вообще Прародительницей. Для сына это имя звучало как Мудрость, Правота и Жизнь [См. Миндлин 1968, 17–19]. Сабашникова считала ее большой оригиналкой, которая курила, носила высокие сапоги и широкие штаны. «Оригинальностью (...) она возмещала недостаточную уверенность в себе. – пишет Сабашникова. – Она была очень красива и вместе с тем очень застенчива» [Волошина 1993, 142]. А так о своей матери Волошин писал в дневнике 13 III 1932 года: «Моя мать и по типу, и по складу характера принадлежала к поколению русских женщин 70-ых годов и до старости сохранила этот тип, трагический, красивый, всегда у последней черты, всегда переступающий запретные границы» [291]. По словам Маковского, «Характером эта мужественно-волевая женщина (...) являлась полной противоположностью (...) женственно-мягкому и чувствительному Макс» [Маковский 2000, 337]. Эта противоположность отражалась в чувствах, полных любви и ненависти одновременно. «Его мама – его крест. (...) Это неразрывно горько...», – утверждала Петрова [цит. по: Волошин 1991, 10]. Об этом свидетельствует горестное признание поэта в дневнике от 31 VIII 1926 г.: «Самое тяжелое в жизни: отношения с матерью. Тяжелее, чем террор и все прочее» [245]. Анализируя дневниковые записи, можно прийти к выводу, что отношения между сыном и матерью были сложны и непонятны.

Детский разрыв с матерью. Меня мать обвиняет в чем-то, – пишет Волошин 20 VII 1926, – (...) Обвинение во лжи. Гнев. Требование, чтобы сознался. (...) с этого момента чувствую кончеными все детские любовные отношения. На всю жизнь. Через 40 лет, когда мы оба забыли причину, этот исток недоразумений всплывает между нами в ссорах и мать с той же страстью утверждает мою вину, и я с такой же страстью отрицаю, хотя мы оба одинаково уже не помним пункт обвинения [239].

Эти странные отношения между ними продолжались всю жизнь. Многие замечали это и считали, что мать очень несправедлива к своему сыну. «С одной стороны, она его страстно любила, а с другой – что-то в его существе ее сильно раздражало, так что жить с ней Макс» было очень тяжело» [Волошина 1993, 143], – пишет Сабашникова. Это приводило к частым ссорам между ними. «Неприятный разговор с мамой. Я груб и раздражителен. Она очень огорчена и негодует» [169], – так

писал поэт 12 III 1907 г. Запись от 2 VIII 1926 похожего характера: «Иррациональное упрямство матери в некоторых разговорах, доводивших меня до мысли об ее безумии» [246]. Похвалы он никогда не дождался, вместо того скорбные слова, которые поэт записал в дневнике 31 VII 1914 г.: «Ты весь ложь и трус. (...) Раньше я говорила тебе, что для меня в жизни был только ты. Теперь ты больше для меня не существуешь» [223]. Волошина любила по-своему сына, гордилась им, но никогда не показывала этого. Уже с младенческих лет лишила его ласки, кроме официальных поцелуев, тем не менее писатель был послушным сыном для своей требовательной и очень строгой матери [См. Волошина 1990, 463–464]. Строгость и требовательность матери касалась Волошина не только как сына, но и как поэта. Она была его первой читательницей стихотворений, первым судьей его творчества [См. Миндлин 1968, 19]. Сама Волошина о сыне выражалась так:

(...) Таких, как Макс, очень мало; но я, как мать, хочу, чтобы он был еще лучше. Я совсем не хочу быть похожей на всех матерей: родила, мой сын, значит – лучше всех. Нет, я вижу, что Макс очень хороший, но хочется, чтобы он был еще лучше [цит. по: Волошина 1990, 464].

Строгой, требовательной и гневной мать писателя осталась до конца своих дней. О ее последних моментах жизни пишет поэт в дневнике 24 III 1932 г.: «она не могла уже встать с постели умыться, не потеряв сознание. И это ей не мешало быть бесконечно раздражительной на меня и на Марусю» [299].

Мать одарила Волошина любовью, полной боли, гнева и ссор³. С этим чувством поэт шел через всю жизнь, которое отражалось во многих контактах с женщинами.

Доброту и ласку, в которой так нуждался писатель, нашел у Петровой. Дочь полковника, педагог, всю жизнь провела в одиночестве. Судя по дневниковым записям, можно прийти к выводу, что Петрова была очень интересным человеком: занималась живописью, прикладным искусством, владела иностранными языками, любила музыку, увлекалась театром. Петрова для Волошина являлась не только интереснейшим

³ Тяжелые отношения с матерью отражаются также в поэзии, например, стихотворение *Материнство*, написанное в 1917 г. [См. *Стихи русских символистов*, online].

собеседником, но и его задушевым другом. У нее поэт нашел материнскую заботу, с ней он делился такими сторонами своей духовной и личной жизни, о которых предпочитал не говорить матери [См. Волошин 1991, 5–7]. «Она оказалась моим верным спутником во всевозможных путях и перепутьях моих духовных исканий» [294], – писал Волошин 18 III 1932 г. Запись в дневнике того же числа говорит о первом восхищении поэта прелестной женщиной:

Еще в тот год, когда мы с Пешковским не жили у Петровых, мы привыкли встречать, подходя к гимназии, на Итальянской, барышню, всегда в один и тот же час, с очень серьезным, озабоченным и суровым лицом. Сразу было видно, что она спешит по делу к определенному сроку. У нее был тип Афины Паллады: опущенный вперед лоб, правильные черты продолговатого лица, на котором угадывался шлем, темные волосы, серьезные губы. Мы знали, что это Александра Михайловна Петрова, учительница Александровского училища, и что она спешит на свои уроки. Наружность располагала и обещала серьезные и интересные беседы. И это было немалой приманкой для меня при выборе квартиры [292].

Волошин с Петровой познакомился, будучи еще гимназистом и это знакомство сохранил до конца ее дней. Она надолго осталась в памяти поэта – 19 III 1932 г. писатель пишет в дневнике: «От того первого года жизни в доме Петровых у меня больше всего остались в памяти весенние прогулки с Александрой Михайловной на горы» [294]. «Эти весенние феодосийские прогулки вместе с Александрой Михайловной (...) были истинным прологом к моему постепенному развитию в искусстве» [296], – пишет в дальнейшем поэт 19 III 1932 г. У Петровой по отношению к Волошину была чисто материнская или сестринная забота, а ведь этого в жизни писателя не хватало. Она давала ему то, чего не мог получить у матери; у нее находил признание и понимание. Все неудачи Волошин нес Петровой, которая всегда вставала на его защиту. Она умела смягчить конфликты с матерью, понимала его, интересовалась его делами [См. Волошин 1991, 10]. Стоит отметить, что у Петровой был нелегкий характер. По словам Анастасии Цветаевой, «(...) во всем существе Александры, несмотря на ее ласковость и проникновенность, есть строгость – нечто готовое на страстную гневность» [цит. по: Волошин 1991, 8]. С таким чувством Волошин неоднократно столкнулся лично. К примеру, оценивая его стихотворения, могла употребить слова

«гадость» или «меня тошнит». Такое поведение оправдывала воспитательными целями [См. Волошин 1991, 8]. Однако доброжелательность и ласка побеждала у Петровой гнев и злобу. Волошин обращался к ней с чувством любви и уважения, находил у нее доброту и ласку, которой напрасно ждал от своей матери.

Записи в *Истории моей души* с 1904 по 1907 г. раскрывают любовные тайны поэта, связанные с Сабашниковой. Волошин много писал в дневнике и о других женщинах, но никто из них не оставил так глубокого следа в его сердце как Аморя (так называл поэт Сабашникову⁴).

Когда они встретились первый раз, Маргарите было 21 год, а Волошину – 26. До свадьбы они знали друг друга три года. Чувства любви поэт ждал уже не один год, но он не знал, что в будущем оно принесет с собою много боли и разочарований. Он не знал о том, что сердце его возлюбленной равнодушно к нему. Она не думает о любви, только о дружбе. С Волошиным ей было легко, их мысли, вопросы и ответы часто совпадали [См. Сазонова 2000, 74–75]. В своих воспоминаниях Сабашникова пишет:

Вместе с Максом я бывала в различных варьете, в аристократических и в бедных кварталах. Макс повсюду чувствовал себя как рыба в воде (...). Его уравновешенность и веселость действовали на меня во всем этом хаосе успокаивающе. Я удивлялась его терпимости и видела в ней большую душевную зрелость [Волошина 1993, 122].

Совместные прогулки, поездки, интеллектуальные беседы сильно утомляли Волошина. Дружба его не устраивала, он хотел ответного чувства любви. Во время разговора с Екатериной Бальмонт поэт убедился в том, что Маргарита не сможет полюбить его. Ее слова зафиксированы в дневнике:

⁴ Свою любовь к жене Волошин изливал в стихотворениях: *Я ждал страдания столько лет* (1903 г.), *Отрывки из посланий* (1904 г.), *Таиах* (1905 г.), *Мы заблудились в этом свете* (1905 г.), *Зеркало* (1905 г.) и во многих других. Эти лирические любовные стихи составляют цикл *Amori Amara Sacrum*. Сабашникова становится для него поэтической музой, олицетворением женственности и красоты. Неслучайно в художественном сознании поэта любимая им женщина стала ассоциироваться с царицей древнего Египта Таиах. В этой любовной лирике отражается творчество Владимира Соловьева. Соловьевская этика любви, мотив Вечной Женственности звучит в стихах, посвященных Сабашниковой [См. Пинаев 1996, 36–49; Rzeczycka 2001, 17–54].

Вы не должны подумать, что она Вас может полюбить. Она странная. То расположение, которым Вы пользуетесь, это высшее, что Вы можете получить. Она говорила, что ей легко только с двумя людьми: со мною и с Вами. Она как-то нас сравнивала и находила громадное сходство. Только Вам, я боюсь, много придется страдать [63].

Волошин отдал себе отчет в том, что Сабашникова не полюбит его. Об этом свидетельствует запись в дневнике от 14 VI 1906 г.: «Я все это знаю. Я так же думаю. Но, может, так надо. И я не знаю, любовь ли это...» [63]. Наряду с тем сама Маргарита в разговорах с Волошиным как бы подтверждала это, говоря: «Вы (...) идеальный юноша. Благородный, честный. Вы способны ждать невесты 50 лет. Это хорошо. Нет тут дурного» [61]. Характер отношений с Сабашниковой отразился на общем состоянии поэта, «она выводила его из себя, вызывала из глубины его психики некое общее ожесточение против женщин, обостряла эротическую фантазию» [Сазонова 2000, 75]. В *Истории моей души* мы читаем: «Мое отношение к женщинам абсолютно чисто, поэтому в душе моей живет мечта обо всех извращениях. Нет ни одной формы удовольствия, которая бы не соблазнила меня на границе между сном и действительностью» [72].

Еще в мае 1905 г. возлюбленная не подавала никаких надежд. Даже сам поэт начал сомневаться в своих чувствах [См. Сазонова 2000, 78]. Он спрашивает себя: «Любил ли я или нет? Когда же лгал и где создалась ложь?» [111]. Однако 24 VI 1905 г. в дневнике появляется запись, полная радости и восхищения: «Сердце мое исполнено невыразимым светом и нежностью. Радостные слезы наворачиваются на глазах (...). Я чувствую, что совершилось какое-то искупление, что отсюда, из этой точки идет новая линия жизни» [117]. Эта запись предсказывает перелом в отношениях Сабашниковой и Волошина. Ее сердце открывается ему навстречу. Она ему признается, что «прошлой весной я была совершенно равнодушна. Мне было приятно и весело, что Вы здесь, но я была мертва. А теперь, когда я жива, я чувствовала, что Вы ушли...» [110]. Сабашникова говорит Волошину: «Я Вас раньше совсем не знала. Я думала, что Вы страшно увлекающийся, привязчивый и постоянный. Но теперь (...), когда я прочла Вас, Вы мне стали гораздо ближе» [119]. Обрадованный поэт приходит к выводу, что «это не любовь, а что-то более чистое, более драгоценное, и никогда больше

не переступлю запретной черты...» [121]. Вслед за этим Волошин 29 VI 1905 г. в *Истории моей души* делает важное признание: «Целый день я писал стихи – написал и послал. Все, что я написал за последние два года, – все было только обращение к Маргарите Васильевне и часто – только ее словами» [127].

Волошинский дневник той поры насыщен мужеством и терпением. Можно представить, сколько боли перенес поэт за это время, но дневниковые записи показывают, что мучение это не было напрасным. Наконец Волошин добился взаимной любви, которая воскресила его душу, наполнила счастьем [См. Сазонова 2000, 79]. Об этом свидетельствуют записи с 2 по 12 VIII 1905 г.: «Мы говорим о том чувстве, которому нет выхода в земных условиях, о той связи, которая легла между нами» [137] или «мне хочется передать ей все мое счастье, все мое спокойствие» [137]. В 1906 г. Волошин женится на Сабашниковой.

Необходимо отметить, что даже самые счастливые минуты Волошина с Сабашниковой не были лишены горьких упреков. В моменты откровенных признаний она могла заявить ему о «своей способности неожиданно возненавидеть человека» [139], что неразрывно было связано с Волошиным. Слова возлюбленной поэт записывал в дневнике. Итак, 9 VIII 1905 г. он пишет: «Вы знаете, у нас в семье все к Вам очень плохо относятся (...). У папы (...) какое-то озлобление» [143] или «Мне чужда твоя наружность, когда я вижу твое лицо в людях...» [144], – запись от 10 VIII 1905 г. Но после таких слов: «Знаешь, когда ты уезжал из Москвы в Крым, я тогда записала в своем дневнике: „Оторвалась лучшая часть моей души...“» [144], поэт сразу ей все прощал.

Волошин по отношению к возлюбленной и ее чувству был очень чутким и тактичным. «Макс (...) находил мою слабость трогательной и милой и относился ко мне с нежной заботой» [Волошина 1993, 145], – признается Сабашникова. Ему казалось, что он не заслуживает этой любви, не хотел лишить ее свободы, оставлял ей право выбора. Поэт принимал любовь такую, какой она была. Как известно, на рубеже XIX и XX веков в эротической атмосфере назревали так называемые «тройственные союзы», в которых обыденное переплеталось с ритуалом и мифом. В одном из многих «тройственных союзов» состояла Сабашникова вместе с Вячеславом Ивановым и его женой Лидией

Зиновьевой-Аннибал. Ивановы провозглашали идею «двое, слитое во едино, как они, в состоянии любить третьего». В этом мистическом ритуале Волошину места не было. Это окончательно привело к расторжению брака Волошиных, который длился лишь один год [См. Пинаев 1996, 54–58]. Итак, 10 III 1907 г. Волошин записывает в дневнике: «я принял несколько важных жизненных решений. Я решил, что я не должен связывать планов своей жизни с Амориными планами» [168].

Сабашникова оставила глубочайший след в жизни поэта, о чем свидетельствуют обширные записи в *Истории моей души*. К сожалению, она была очередным разочарованием Волошина.

Противоположностью Сабашниковой является вторая жена Волошина. Когда поэт познакомился с Марией, ему было 42 года, ей – 32. О первой встрече с Марусей (так к ней все обращались) Волошин вспоминает в дневнике от 16 IV 1932 г.: «Осенью 1919 года приезжала в Коктебель большая компания из Бусалака, среди которой была Заболоцкая. Она была маленькая, стриженная...» [346]. Такой она представлялась поэту:

Лицом похожа на деревенского мальчишку этого же возраста (но иногда и на пожилую акушерку или салонщицу). Не пишет стихов и не имеет талантов. Добра и вспыльчива. Очень хорошая хозяйка, если не считать того, что может все запасы и припасы подарить первому встречному (...). Глубоко по православному религиозна [цит. по: Волошина 2003, 5].

Эта простая женщина, по словам писателя, «исступленная, самозабвенная, (...) почти безграмотна» [цит. по: Волошина 2003, 5] внесла в его жизнь радость, любовь и вместе с тем счастье. «Все, что ты принесла мне в жизни, – все радость» [цит. по: Волошина 2003, 315], – писал Волошин. Она совсем не подходила к его обществу, к этим людям, с которыми общалась, но это не мешало поэту. «Была дружна с самыми неожиданными и неподходящими людьми (...), – писал Волошин Вере Эфрон, – с Пра она глубоко и страстно подружилась [цит. по: Волошина 2003, 6]. Мать Волошина благодарила Марусю за то, что так сильно полюбила ее сына. После смерти Володиной она осталась с поэтом до конца его дней. Необходимо отметить, что Заболоцкая никогда не покинула Волошина, она была ему преданной, доброй женой. Это подтверждают ее слова: «(...) Макс был для меня

не муж, не брат, не любовник (...) а самое прекрасное, что может быть на свете» [там же, 224].

После смерти мужа Волошина заботилась о его памяти. Вначале заведовала Домом-музеем в Коктебеле, присутствовала на выставках акварелей, также принимала аспирантов, работавших над волошинской темой [См. Волошина 2003, 315]. Стоит подчеркнуть, что благодаря ей поэт не переставал писать свой дневник почти до конца своих дней.

Дневниковые записи показывают, что сфера чувств у Волошина была необычайно сложной, запутанной, полной противоречий. Здесь переплетаются радость и грусть, очарование и разочарование, оптимизм и отчаяние. Чувства любви писатель пытался добиться уже с детства от своей матери. Дневник показывает, что это не была идеальная материнская любовь, о которой он мечтал. Его признания в *Истории моей души* подтверждают, что от матери поэт получил любовь, которая несла с собою горечь и гнев. Доброту и ласку, которой напрасно ждал от своей матери, Волошин нашел у своего ближайшего друга – Петровой, хотя и эти отношения не были лишены огорчений. Особенно много интимных признаний связано с Сабашниковой. Здесь можно говорить о сильном чувстве любви, которое испытал поэт, однако и оно было очередным разочарованием. В это время Волошин часто обращался к своему дневнику, так как любовь эта доставляла ему немало радости и печали одновременно. Тем не менее после многих скорбных, мучительных лет в жизни поэта появилась Заболоцкая, одарившая его настоящим, искренним чувством любви.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что сфера чувств в дневнике Максимилиана Волошина – это скорбная любовь матери, снисходительность Петровой, душевное взаимопонимание с Сабашниковой и преданность Заболоцкой.

Литература

- Černomorskij M.N., 1959, *Memuary kak istoričeskij istočnik*, Moskva. [Черноморский М.Н., 1959, *Мемуары как исторический источник*, Москва.]
- Czermińska M., 2000, *Autobiograficzny trójkąt: świadectwo, wyznanie i wyzwanie*, Kraków.

- Georgieva N.G., 2012, *Memuary kak fenomen kul'tury i istoričeskij istočnik*, „Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seria: Istoriâ Rossii” No. 1, s. 126–136. [Георгиева Н.Г., 2012, *Мемуары как феномен культуры и исторический источник*, «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России», № 1, с. 126–136.]
- Głowiński M., 1973, *Gry powieściowe*, Warszawa.
- Makovskij S.K., 2000, *Portrety sovremennikov*, Moskva. [Маковский С.К., 2000, *Портреты современников*, Москва.]
- Mindlin È.L., 1968, *Neobyknovennye sobesedniki*, Moskva. [Миндлин Э.Л., 1968, *Необыкновенные собеседники*, Москва.]
- Pinaev S.M., 1996, *Blizkij vsem, vsemu čužoj... Maksimilian Vološin v istoriko-kul'turnom kontekste serebrânogo veka*, Moskva. [Пинаев С.М., 1996, *Близкий всем, всему чужой... Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте серебряного века*, Москва.]
- Rzeczycka M., 2001, *Sofiologia Władimira Sołowjowa i jej dziedzictwo*, [w:] *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w literaturze rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku*, red. E. Biernat, Gdańsk.
- Sazonova E.N., 2000, «*Tajnoe*» poëta v ego real'nyh parametrah, [v:] *M.A. Vološin – poët i myslitel': Materialy Desâtoj Meždunarodnoj naučnoj konferencii*, Simferopol'. [Сазонова Е.Н., 2000, «*Тайное*» поэта в его реальных параметрах, [в:] *М.А. Волошин – поэт и мыслитель: Материалы Десятой Международной научной конференции*, Симферополь.]
- Sirotnina I.L., 2001, *Kul'turologičeskoe istočnikovedenie: problema memuaristiki*, [v:] *Metodologiâ gumanitarnogo znaniâ v perspektive XXI v.: materialy meždunar. nauč. konf.*, Ser.: Symposium, vyp. 12, Sankt-Peterburg. [Сиротина И.Л., 2001, *Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики*, [в:] *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI в.: материалы междунар. науч. конф.*, сер.: Symposium, вып. 12, Санкт-Петербург.]
- Stihi russkikh simvolistov*. [*Стихи русских символистов*], <https://www.culture.ru/themes/257555/stikhi-russkikh-simvolistov>, [12.09.2024].
- Tartakovskij A.G., 1991, *Russkaâ memuaristika XVIII – pervoj poloviny XIX vv.*, Moskva. [Тартаковский А.Г., 1991, *Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв.*, Москва.]
- Tartakovskij A.G., 1980, *1812 god i russkaâ memuaristika*, Moskva. [Тартаковский А.Г., 1980, *1812 год и русская мемуаристика*, Москва.]
- Vološin M.A., 1990, *Putnik po vselennym*, Moskva. [Волошин М.А., 1990, *Путник по вселенным*, Москва.]

- Vološin M.A., 1991, *Iz literaturnogo nasledîâ*, Sankt-Peterburg. [Волошин М.А., 1991, *Из литературного наследия*, Санкт-Петербург.]
- Vološin M.A., 1999, *Istoriâ moej duši*, Moskva. [Волошин М.А., 1999, *История моей души*, Москва.]
- Vološin M.A., 2000, *Zapisnye knižki*, Moskva. [Волошин М.А., 2000, *Записные книжки*, Москва.]
- Vološina M.S., 1990, *Iz knigi «Maks v vešah»*, [v:] *Vospominaniâ o Maksimiliane Vološine*, sost. V.P. Kupčenko, Moskva. [Волошина М.С., 1990, *Из книги «Макс в вещах»*, [в:] *Воспоминания о Максимилиане Волошине*, сост. В.П. Купченко, Москва.]
- Vološina M.S., 2003, *O Makse, o Koktebele, o sebe*, Feodosiâ–Moskva. [Волошина М.С., 2003, *О Максе, о Коктебеле, о себе*, Феодосия–Москва.]
- Vološina M.V., 1993, *Zelenaâ zmeâ. Istoriâ odnoj žizni*, Moskva. [Волошина М.В., 1993, *Зеленая змея. История одной жизни*, Москва.]

THE SPHERE OF FEELINGS IN MAXIMILIAN VOLOSHIN'S DIARY

ABSTRACT

Keywords: Maximilian Voloshin, Silver Age, diary, feelings, women

The subject of the analysis is Maximilian Voloshin's diary entitled *History of My Soul*, which is one of the diaries typical of the Silver Age. In the diary, the sphere of feelings was singled out, which mainly concerns the writer's emotional and love experiences. They are related, among others, to his mother Yelena Kiriyenko-Voloshin and Alexandra Petrova, a close friend and confidant of Voloshin. Margarita Sabashnikova, the poet's first wife, and his second wife Maria Zabolocka also feature prominently in the diary.